

ВОСПОМИНАНИЯ СЕРЖАНТА КЕЛЛИ

Сержант австралийской армии Джон Келли около года находился в составе британской миссии Елоре, прибывшей на российский Север летом 1918 года. Миссия располагала флотилией из 5 вооруженных траулеров, крейсера, военного катера и авиаматки. В нее входили 150 британских офицеров и унтер-офицеров, 21 канадец, 9 австралийцев - капитан Ричард Таррант, капитан Пол Лохан, капитан Аллан Браун, сержант (позднее капитан) Роберт Грэм, сержанты Дж. Келли, Б. Перри, А. Фон Дюве, К. Хикки, К. Уайетт)- и 4 новозеландца.

Келли написал свои воспоминания в 1979 году через 60 лет после окончания британской интервенции. Вероятно, какие-то детали стерлись из его памяти, однако, на взгляд автора сайта, они передают атмосферу тех событий. В его воспоминаниях просматривается и высокомерное отношение британцев к русским, и отсутствие желания воевать против Красной армии во всех подразделениях многонациональных антибольшевистских сил, и безнадежность Белого дела. Очевидно, что у русского человека интервенция союзников могла вызвать только одно желание – поскорее избавиться от оккупантов. Впрочем, у читателя есть возможность сделать собственные выводы и увидеть события времен Гражданской войны на Севере России глазами австралийца.

Вместо предисловия

...Мы шли вверх по Двине к Архангельску, расположенному в 30 милях вверх от ее устья. Оба берега реки были покрыты низким кустарником, и никаких признаков людского присутствия видно не было. Нам доставляло удовольствие путешествие по, казалось бы, мирной реке, но тут из-за кустарника появился большой отряд конных казаков. Мое сердце замерло. Казалось, мы впервые столкнулись с актом сопротивления нашему вторжению. Я спросил себя: «Как ты собираешься воевать против этих знаменитых на весь мир бойцов?». Застыв на носу нашего маленького траулера, я чувствовал себя ужасно беззащитным. Я держал указательный палец правой руки на курке своего Льюиса в готовности вступить в бой, если эти парни сделают глупость и поведут себя агрессивно. Ничего не случилось, и после преследования нас на протяжении примерно мили они исчезли так же быстро, как и появились. Мы больше их так и не увидели, хотя казаки-одиночки позднее вступали в наши подразделения, а один даже записался в мою часть. Этот человек выглядел самым страшным из всех, кого я когда-либо встречал. Газыри на обоих его плечах и поясной ремень были набиты патронами, кроме того, у него были винтовка, пистолет, кортик, сабля и кинжал.

Я обнаружил у русских врожденную ненависть к казакам. Казаки были царским инструментом поддержания закона и порядка в деле подавления революционного движения. Они были сильны в том, чтобы ворваться в середину толпы, хлеща кнутами тех, кому выпало несчастье попасться им под руку. Нашего друга-казака нашли мертвым одним утром вскоре после того, как он присоединился к нам – кто-то пристрелил его, видимо, сводя старые счета...

Около 6.30 утра мы прибыли в Архангельск. Причал был заполнен русскими, обуреваемыми нетерпением и желанием понять, что происходит. Едва я сошел на берег, как из толпы раздался выкрик: «Привет, оззи!». Я остолбенел. Затем я вычислил того, кто крикнул и спросил, как он узнал во мне австралийца. Ответ был прост: это был русский моряк, который в своих плаваниях немного научился английскому. Его судно часто ходило в Средиземноморье, и ему довелось видеть много австралийцев в Александрии.

Мы вошли в Архангельск с одного края города и обнаружили, что красные покидают город с другого. Наш крейсер и гидроплан «помогли» им уйти. Десант, в который входил я, преследовал их вдоль Вологодской железной дороги. Они, однако, вскоре распознали наш блеф и сообразили, что за ними гонится не вся британская армия, а всего горстка людей, быстро перешли к упорной обороне, и железнодорожный узел нам захватить так и не удалось.

Я не могу во всех деталях описать последующую кампанию, длившуюся 15 месяцев. Достаточно сказать, что это была цепь неудач, предательств, трудностей, бунтов и опасных экспериментов...

С приближением зимы стало ясно, что придется готовиться к продолжению войны в суровых арктических условиях. Сам Сэр [Эрнест Шеклтон](#) (Ernest Henry Shackleton) возглавил подготовительные работы. Он лично посетил север России, чтобы получить информацию из первых рук и определить, какое снаряжение будет необходимым. Итогом визита стала раздача всем нам полных комплектов одежды полярных исследователей.

К весне множество больных и раненых было эвакуировано в Англию. Вскоре после этого там начали распространяться слухи о том, что происходит в Северной России. Лондонские газеты ухватились за это, и в них появились истории о том, как военные подвергаются опасности испытать судьбу, аналогичную постигшей части генерала Таунсенда в Куте (имеется ввиду сдача британцами туркам крепости в Ираке в 1916 году – В.К.), а в воздухе стали носиться разговоры о новых Дарданеллах. Общественное мнение требовало вывода наших войск и организацию сил прикрытия для этого. Сыграла или нет свою роль эта агитация, но были предприняты меры создания сил прикрытия, первые из которых начали прибывать к концу мая - началу июня 1919 года. К этому времени из 9 австралийцев первоначального состава миссии *Elope* в России осталось только 5 человек: я, 2 сержанта и 2 офицера. Двое сержантов, и я были в числе первых, отбывших в Англию 17 июня, ровно год спустя после отплытия из Ньюкасла.

Британские военные из состава миссии *Elope*.

Слева направо: стоят – сержанты Перри (Австр.), МакКриди (Нов. Зел.), Райт и Джоунс (Англ.); сидят – сержанты фон Дюве (Австр.), Торбетт (Англ.), Бэйн и Дьюелл (Канада), Келли (Австр.); лежат – сержанты Хикки (Австр.) и Уиннинг (шотландец, в годы ПМВ служивший переводчиком в русской армии)

Миссия не достигла ничего, но самым трагическим была гибель множества прекрасных людей, которые расстались с жизнью в этой аванюре, пройдя до этого все тяготы боев во Франции, Галлиполи и на других театрах военных действий и заслуживших лучшую участь.

Красные становятся белыми

После того, как мы основали свою базу в Архангельске, миссию в течении нескольких дней захлестнула волна добровольцев, желающих вступить в так называемый Славяно-Британский Легион и помочь в победе над большевизмом. Таковым было официальное мнение об их намерениях, но те из нас, кто имел дело с этой толпой, знали ситуацию куда лучше. Их влекла не глубокая ненависть к революционерам и желание восстановить монархию Романовых; а привлекало то, что Легион должен был быть снабжен стандартным снаряжением британской армии, той же формой и тем же рационом, что и обычный *томми* (кличка британского солдата – В.К.), с жалованьем 100 рублей в месяц.

Никому и в голову не приходило упускать такую возможность, отсюда и наплыв добровольцев. Результатом стало создание пестрой толпы людей, объединенных в так называемую армию. По памяти могу сказать, что в легионе было восемь национальностей – русские, поляки, финны, литовцы, латыши, чехи, эстонцы и китайцы. Да, даже Китай был представлен людьми, которые до революции работали на рудниках и лесозаготовках в Сибири. Лично я был назначен командовать ими приказом британского штабного офицера на основании предположения, что я могу говорить по-китайски, в чем я так и не стал его разубеждать. В составе было около 150 этих малоцивилизованных людей, но с ними у меня было меньше проблем, чем с пятью австралийцами. Китайцы тогда еще не знали значения благословенного слова «инициатива». Они были, однако, закоренелыми картежниками, и почти каждый день мне приходилось разнимать драки и латать одну-две разбитые головы. Эти парни верили только в непосредственное действие и использовали как оружие первое, что им попадало под руку, когда требовалось унять «разногласия» ...

Вскоре после начала оккупации к нам прибыло подкрепление в составе французского батальона, американского полка и других британских подразделений. Даже с этими частями и нашими легионерами ощущалась нехватка людей. Так называемое Временное Правительство Северной России, которое создали местные парни после того, как мы обеспечили для них безопасные условия, решило ввести обязательный призыв в армию для того, чтобы облегчить ситуацию. Первая же часть, созданная и обученная согласно этому указу, взбунтовалась немедленно в тот же день, когда был получен приказ отбыть на фронт (бунт и суровые меры, предпринятые для его подавления – отдельная история).

К этому времени в наших руках оказалось довольно большое количество пленных красных с разных фронтов (к июню 1919 – 23 000 чел.), и был разработан план для того, чтобы склонить военнопленных к вступлению в наши части. Их могли привлечь лучшее чем с военнопленными обращение, возможность экипироваться на уровне британского солдата: одежда и питание несравненно лучшее, чем то, что они имели бы в гражданской жизни, в царской или красной армии. Скорее всего, однако, наиболее привлекательной для них была возможность вновь попасть на фронт и перейти к своим, обретая свободу.

Для претворения этого плана в жизнь был избран канадец капитан Дайер (Dyer). Это был отличный парень (и солдат, и товарищ), которого все любили. Его повысили до звания капитана, дали под начало группу британских унтер-офицеров и приказали приступить к осуществлению безнадежного, по нашему общему мнению, приказа. Бывшие большевистские солдаты хорошо отнеслись к Дайеру, и вскоре он и его штаб имели под началом хорошо обученную и дисциплинированную часть, которую стали официально именовать «Батальоном Дайера». План действовал столь успешно, что было принято решение сформировать второе подобное подразделение. Задача была возложена на одного из четырех новозеландцев – сержанта Берка (Burke) по кличке Тайк (Туке). Он

родился и вырос в Австралии (в Аделаиде), но к началу войны оказался в Новой Зеландии, где и записался в армию. Его также произвели в капитаны и поручили сколотить «Батальон Берка».

Вскоре умер Дайер. Он совершал поездку на санях из одной деревни в другую и заснул по дороге, в результате чего заболел и через несколько дней скончался. К этому времени Батальон Дайера был признан боеспособной частью и со временем был направлен на фронт вместе с группой британских офицеров и унтер офицеров. Батальон пробыл на своем участке всего несколько часов, когда начался неизбежный бунт. Все британцы (семь или восемь) были хладнокровно убиты. Первым пал всеми нами любимый австралиец капитан Браун, успевший уложить шесть большевиков...

Бунты

Хотя интервенция была первоначально делом британцев, с прибытием подкреплений из Франции и Америки она стала акцией союзников. Кроме многочисленных отказов от выполнения приказа, которые случались постоянно, имели место 5 крупных бунтов: британский, французский, американский, в Архангельском полку и в батальоне Дайера, лишь австралийцы не бунтовали.

По счастью, каждый из этих бунтов произошел сам по себе и в разное время. Первые три из них не достигли значительного размера. Для того, чтобы понять причины этого, необходимо коротко обрисовать район боевых действий. Под нашим контролем находилась территория размером примерно 50 000 кв. миль, но 90% ее не требовали обороны из-за особенностей природных условий. Наша оборонительная система напоминала веер, расходящийся от Архангельска с частями, действующими на окончании каждой ветви. Эти части могли находиться на расстоянии до 250 миль от базы. Будучи полностью изолированным от других частей, каждое подразделение действовало самостоятельно, ведя собственные бои и опираясь на собственную инициативу. Так, вместо непрерывной линии фронта здесь было несколько фронтов, известных как «Железнодорожный», «Двинский», «Котласский» и другие. Бои велись из долговременных укреплений в условиях «индейской» или партизанской войны. Вот почему бунты происходили сами по себе и не распространялись на другие подразделения....

С самого начала кампании в ней всегда имели место подводные течения и беспокойствие в боевых подразделениях. Пока шла война во Франции, эти чувства не давали о себе знать сколь-нибудь значительно. С подписанием Перемирия и прекращением огня в Европе, все это стало иметь более определенный и серьезный эффект. На всех уровнях и во всех этнических группах все шло в одном направлении. Везде слышалось только одно: «Зачем мы здесь? Могут ли русские сделать что-нибудь сами для себя? Если их дело правое, почему они не могут воевать сами?» и т.п. Стало очевидным, что так дела идти не могут, и пузырь лопнул, когда британский полк решил уткнуть стволы в землю. Разразился забастовочный митинг, и одна из рот зашла так далеко, что ушла с удерживаемой позиции. Штаб отреагировал быстро и полностью изолировал недовольных, пока об этом не узнали другие. Бунт был быстро подавлен, и его распространение было остановлено.

Следуя по порядку, обратимся к нашим старым друзьям – французам. Я был прикреплен к французскому полку со специальным заданием в течение нескольких недель по их прибытии и могу сказать по правде: «ужасные» австралийцы ничуть не хуже французам – последние столь же дики и грубы. В общем, они были хорошими ребятами, и у меня остались о них только приятные воспоминания. В феврале 1919 г., после боев на Железнодорожном фронте, их отвели на отдых в Архангельск. После получения приказа о возвращении на фронт они тоже собрали митинг и отправили послание французскому консулу, заявив, что они примут участие в обороне Архангельска в случае необходимости, но определенно отказываются принимать участие в каком-либо наступлении. Хотя

отдельные солдаты добровольно вернулись на фронт в составе других частей, этот полк больше никогда не действовал как самостоятельная часть.

Мы подошли к моменту восстания частей, представлявших армию США. Первый удар они получили тогда, когда, по их словам, их отправили в Россию вместо Франции. Они мало что знали о том, что ожидало их в этой стране. Побывав и там, и здесь, я вправе сказать, что мог бы найти нескольких добровольцев, желающих поменяться местами с этими американцами. На них так же, как и на французов и англичан, давила мысль о необходимости участвовать в чужой войне. Но главным источником раздражения для этих людей, тем не менее, был тот факт, что они находились под командой британских офицеров. Хотя это была союзная интервенция, командование состояло полностью из британцев. Эти так называемые союзники (американцы) ненавидели Англию и все английское. Поскольку я также был прикреплен к их полку со специальным заданием на несколько недель, у меня был отличный шанс получить представление об их чувствах из первых рук. Ни один немец никогда не пел гимн своей ненависти с большей страстью, чем эти янки.

На пути домой я побывал в США и там купил американский журнал под названием *Collier's – The National Weekly*. По случайному совпадению в нем была статья о бунте в России, написанная корреспондентом по имени Фрэйзиер Хант. Вот что он написал:

Американские и британские военные просто несовместимы. Спросите об этом девять из десяти американских пехотинцев и послушайте, что они скажут.

Это было британским спектаклем с самого начала. Везде были британские офицеры, а в американских частях был только один полковник. Британцы доминировали во всем, все приказы отдавались ими, и каждую часть возглавлял британский полковник. Прекрасной характеристикой американизма является то, что американского солдата невозможно дурачить на протяжении долгого времени. Они не видели никакого резона воевать после заключения Перемирия в Европе и хотели домой. В один прекрасный день некоторые из них так и сказали в открытую. Рота I, побывав на отдыхе в казармах в Архангельске, получила приказ отправляться на Железнодорожный фронт, где шли бои. Ребята ворчали, и один из сержантов доложил об этом командиру роты. Лейтенанты пошли в свои взводы и по-дружески поговорили со своими парнями. В то же время кто-то позвонил полковнику, он приехал и напомнил парням, что американские солдаты не уходят, когда для них есть дело. Было много разговоров и вопросов, но эти американские офицеры отвечали на них прямо, строго и просто, что и прекратило бунт.

Официальное коммюнике, выпущенное штабом, отличалось по содержанию от вышенаписанного. Хант так написал об этом:

Никто в мире не услышал и слова о британском бунте, в десятки раз более серьезном, чем американские беспорядки, и это в то время, как храбрый 339-й полк, потерявший в боях 99 солдат и 5 офицеров, заклеили словом «бунтовщики». Иногда полезно иметь цензуру и выпуск официальных сводок под собственным контролем. Спросите об этом в британском штабе, если не верите.

Продолжая, Хант саркастически описывал *томми*, задействованных на этом театре войны, как «дохляков из Ливерпуля». Однако, некоторые из этих солдат были в гуще боев со дней Монса и Марны, тогда как американское участие в войне было ограничено нотами президента Вильсона.

Янки были очень зелеными, слабо понимали, что такое война, и ничего не знали об ужасах боев во Франции. Самое шумное, что они слышали в своей жизни – хлопок пробки от бутылки шампанского. Опустошение, массовая концентрация артиллерийских орудий –

колесо к колесу – бомбы и гранаты размером от яйца до шестидесятифунтовки, пулеметные батальоны, танки, грязь и колючая проволока, хлорин и горчичный газ, и, самое отвратительное – орды крыс, пожирающих гниющие трупы, миллионы вшей и скалящаяся смерть в качестве постоянного спутника. Это и был ад на земле, называемый в официальных сводках Западным фронтом...

По контрасту, этот побочный конфликт в Арктике был войной луков и стрел для тех из нас, кто испытал ужасы Франции и Галлиполи. Как и всякая партизанская война, она состояла из ружейных перестрелок, метания гранат, минометного огня, небольшого количества артогня, хотя на Речном фронте британский флот и имел несколько мониторов и других судов.

Однако, не поддавайтесь иллюзиям. Достаточно одной пули или осколка гранаты, чтобы Вас достойно упомянули в списке убитых. Трагедия тех 400 с лишним солдат, которые лежат в мерзлой земле севера, свидетельствует об этом.

США на всех фронтах имели около 5 000 человек. С сентября 1918 по апрель 1919 они потеряли 104 человек убитыми и около 500 ранеными. Просто для сравнения: 5-я австралийская дивизия во Франции при Фроммеле 19 июля 1916 года потеряла за одну ночь 5500 человек убитыми и ранеными из 12000. Вот и рассудите, что было лучше – Франция или Россия.

Восстание в 1-м Архангельском полку

Когда солдатам этого (русского - В.К.) полка пришло время отправляться на фронт, все они неожиданно проявили тупость и упрямство, достойное армейских мулов. Они уселись на свои вещмешки, объяснив, что воевать – не их дело. После короткой консультации в штабе был выпущен ультиматум, в котором им давалась возможность обдумать свое решение, и, чтобы вернуть их с неба на землю и помочь прийти в себя, вокруг их казарм были расставлены пулеметы. Им было сказано, что срок ультиматума истекает в два часа дня, и, если они будут настаивать на своем, пулеметчики немедленно откроют огонь по казармам. Эти солдаты, которых пышно именовали Белыми русскими, были расквартированы в Александроневских казармах. Это было массивное здание с кирпичными стенами исключительной толщины. Так как к назначенному сроку перемен в настроении солдат не произошло, пулеметчики открыли огонь, как и было обещано. Результат был удручающим: пулеметный огонь по стенам этого здания имел такой же эффект, как и стрельба из дробовика по бетонному доту. В штабе вновь посовещались и было решено использовать другой вариант. Через дорогу от казарм была установлена гаубица. Расчетом командовал обученный нами русский офицер. Первый выстрел не достиг цели, но второй снаряд сделал свое дело: он разорвался на подоконнике второго этажа, и те, кто собрался в этой части здания, получили по полной. Бунтовщики ринулись искать убежища. Пулеметы были все еще на своих местах, пулеметчики, расположенные напротив дальней стороны здания, не поняли, что происходит и, увидев людей, выбегающих из здания, открыли огонь. Мятежники быстро подняли руки вверх, но много людей было ранено.

Их построили и потребовали назвать зачинщиков. Однако, они отказались предоставить подобную информацию, и тогда каждый десятый был отведен в сторону и уведомлен о предстоящем расстреле. Это возымело эффект, и зачинщики были названы. В тот же полдень 12 человек окончили свой жизненный путь. Вы можете себе легко представить, насколько «эффективной» боевой частью был этот полк, когда он, в конце концов, добрался до фронта. Поставьте себя на мгновение на место британских офицеров, которым приходилось льстить им, направлять, вести в бой, и вы быстро поймете, почему в наших войсках носился мятежный дух, и что было главной причиной бунтов.

В противоположность всей пропаганде, которую вы могли когда-то услышать, Красная армия не состояла из большевистского сброда, а была хорошо вооружена, обучена, и ее солдаты вовсе не были второразрядными бойцами.

Одним из последних заданий, выполненных мной в период моей 11-месячной службы в составе миссии, была организация и обучение Финского Легиона. После завершения подготовки его отправили на фронт в район Кандалакши к берегам Белого моря. К этому времени мне уже приказали возвращаться в Англию первым же возможным кораблем, и мне, к счастью, не пришлось сопровождать их. Утром 17 июня 1919 года я ехал в Архангельск и встретил на дороге группу людей под вооруженной охраной. Представьте мое удивление, когда я увидел, что пленниками были не кто-нибудь, а финские легионеры. Был ли это еще один бунт? Определенно, так и было, но я не остановился, чтобы спросить...

Что и говорить, все эти бунты сильно тревожили штаб. Множество прокламаций было напечатано на русском, английском и французском для разъяснения причин нашего пребывания в России. (Вот одна из них – В.К.):

По-видимому, многие солдаты до сих пор не отдают себе ясного отчета о цели нашего прихода в Россию, и почему мы сражаемся здесь, на севере. Намерения наши могут быть объяснены в нескольких словах: мы пришли бороться против большевизма, т.е., говоря попросту, против анархии. Каждый из Вас поймет, что ни одно государство, у которого дезорганизована вся внутренняя жизнь, у которого расстроена промышленность, у которого железные дороги работают неправильно, у которого отношения к иностранным державам ненормальны, не может существовать и обречено на гибель. Взгляните на Россию в данный момент. Власть находится в руках небольшой кучки людей, по большей части евреев, которые довели страну до полного хаоса. Почта, железные дороги перестали функционировать нормально, правосудие стало продажным, жизнь подорожала настолько, что даже продукты первой необходимости стали недоступны для кармана среднего обывателя, зато человеческая жизнь потеряла всякую ценность, и никто не может быть уверенным в своей безопасности. Всякий, имеющий оружие, чувствует себя господином положения и может отнять то, что принадлежит более слабому. Часто убивают, чтобы самому не быть убитым. В конце концов – полная одичалость нравов. И немудрено, ведь страна находится во власти авантюристов и проходимцев. Большевизм – это болезнь, которая, как чахотка, убивает, не принося никому пользы.

Несомненно, что после войны внешние формы жизни во многом изменятся, но изменения эти никак не явятся следствием анархии и массовых убийств.

Германия, желая избавиться от опасного врага, каковым для нее являлась Россия, насадила у Вас большевизм. Теперь большевизм достиг такого распространения среди темных масс, что Россия благодаря этому явлению разорена, беспомощна и на краю окончательной гибели – вот почему мы пришли помочь ей излечиться от болезни, которая ее съедает. Мы пришли сюда не для того, чтобы завоевать себе Россию, и никто из нас не помышляет этого и не хочет остаться здесь. Единственная наша цель – помочь Вам и видеть Вашу родину возрожденной, великой, а не жалкой и беспомощной в руках авантюристов, которые эксплуатируют ее только для собственных целей и которые для достижения своих личных целей убивают своих противников, не разбираясь ни с их социальным положением, ни с полом, ни с возрастом. В этой борьбе за власть уничтожаются самые интеллигентные силы страны, силы, которые могли бы быть выгодно использованы для того, чтобы воссоздать Вашу родину и вернуть ей достойное ее положение среди народов. И когда мы достигнем эту цель – воссоздания России, тогда мы уйдем к себе на родину.

Генерал [Айронсайд](#)

Уверяю Вас, никто из нас самих не поддался на эту пропаганду.

Двойные стандарты британцев

Когда стало ясным, что нам придется зимовать в России, военное министерство с благими намерениями предоставило специальную «арктическую надбавку» для компенсации трудностей и тягот, которые нам, по всей вероятности, предстояло перенести. Эту надбавку начали вписывать в наши платежные книжки. Когда по возвращении в Лондон я предъявил свою заявку на денежное содержание, мне резко ответили, что к австралийцам это не относится. Мы вполне годились для несения службы в ходе политических игр Британского правительства, но когда пришло время платить нам за это, нас поставили на один уровень с белыми русскими.

Британские офицеры

В России я был постоянно под командой английских офицеров (шотландцев, ирландцев или валлийцев среди них не было), о которых у меня создалось вполне определенное мнение. Это были типичные английские офицеры, идеальные для строевых занятий. Если подчиненные правильно отдавали честь, маршировали в ногу и правильно обращались с оружием, то их считали дисциплинированными и отличными солдатами.

Боевая дисциплина, инициатива и импровизация – вот атрибуты победоносных войн. Эти «парадные» офицеры не беспокоились о подобных пустяках. Все это дает мне основание сказать, что я не видел ни одного английского офицера, которого отнес бы к категории лидера или вдохновителя для своих подчиненных. "Digger" (австралийский солдат – В.К.) обладал этими свойствами в избытке и во Франции был один британский генерал, который отдавал себе в этом отчет. Генерал де Лай (de Lisle), командующий армейским корпусом, считал австралийскую пехоту лучшей среди всех. Он отрядил одного австралийца в каждую бригаду, батальон или роту на линии фронта, удерживаемой его корпусом. В корпусной школе он заменил британских инструкторов на австралийских. После захвата Monte de Merris 11-м (западноавстралийским) батальоном он собрал всех своих старших офицеров для того, чтобы они прослушали лекцию австралийцев о том, как это было достигнуто. Он счел тот бой прекрасной моделью пехотной атаки.

Некоторые сцены из жизни северной России в 1918-1919 годах

Русские женщины

Крестьянки и другие женщины-работницы все были стандартного типа. Невысокие, коренастые, с круглыми формами, они весь год носили теплую зимнюю одежду, что делало их похожими на живые мешки с соломой с тыквами в верхней части. Эти женщины работали кайлами и лопатами вместе с мужчинами, были возницами, машинистами на трамваях и паровозах, трудились в судовых командах и выполняли другие работы. Все это было для нас необычным. Поначалу мы склонялись к тому, чтобы распространять на них обычные любезности, которые считали естественными по отношению ко всем женщинам, но тем самым настолько их смущали, что быстро приспособились к русской манере обращения с ними.

В поразительном контрасте с этим некоторые представительницы аристократии и высших слоев общества относились к числу самых красивых женщин, которых я когда-либо видел. Они были со вкусом одеты и обладали прекрасными фигурами.

Русские мужчины

Без комментариев, за исключением того, что некоторые из них немного напоминают мужчин.

Русская музыка

Русская цыганская музыка, которую играют на скромной, сделанной дома балалайке, очаровала меня. К концу моего пребывания в России я мог слушать ее часами.

Русское пиво

Глоток воды из сельской запруды был бы вкуснее и «вставил» бы куда сильнее.

Русские солдаты (образца 1914-1917)

Я встретил довольно много их, оставшихся от самой великой (по меньшей мере, по численности) армии, которую в 1914 году называли «русским паровым катком». Они выглядели жалко в своей ободранной форме и ботинках, достаточно легких для того, чтобы в них мог бы выступать на ринге боксер. Неудивительно, что сотни тысяч из них обморозились русской зимой. Их еда состояла из из водянистого супа и черного хлеба, платили им полпенни в день. Их посылали в бой безоружными в ожидании того, что они смогут подобрать винтовку убитого товарища. Вам не придется искать других причин для революции и появления первых семян коммунизма.

Русская трагикомедия

Я называю это так, потому что это было явлением с трагическими и комическими элементами. «Призыв» русских мальчишек возрастом 10-12 лет для службы в денщиках и слугах у британских офицеров меня, во всяком случае, сильно огорчил и не добавил уважения к офицеру, ответственному за это решение. Это само по себе было достойным презрения, а потом было еще и усугублено тем, что этих парнишек средним ростом 48 дюймов (120см) одели в форму британского солдата ростом около шести футов (183 см). Можете себе представить, насколько комично выглядел мальчишка с объемом груди до 20 дюймов (50см) в гимнастерке с размером груди 40-44 дюйма или в брюках, пояс которых был у них подмышками. Этих малолеток нельзя было отдать под трибунал за какое-либо пренебрежение обязанностями. Была другая форма наказания, которую «храбрые» офицеры без промедления применяли в исправительных целях – кнут. Все это было отвратительным для меня. На страницах британской военной истории много темных пятен, но эта была одной из самых грязных.

Коммерция

У гражданского населения совершенно не было фабричных продуктов питания, но первичных хватало. У нас не было недостатка в последних. Мы обменивали джем, тушеную говядину, сахар, чай и муку (и т.д.) на свежие овощи, рыбу и молочные продукты. Местные всегда с охотой шли на эти сделки, и мы за свои продукты получали хороший товар. Все это позволяло нам неплохо питаться и поднимало настроение, так как лучшее, на что мы могли рассчитывать до того, как устроились здесь, были замороженные австралийские кролики с рублеными овощами.

Никогда не перестающим удивлять меня элементом всей этой торговли было казавшееся неограниченным наличие у русских из всех слоев общества британской валюты. Каждый из них мог расплатиться британскими деньгами, когда приходило время для заключения сделки. Как им доставалось это богатство? Никто не знал ответа...

Старая добрая граната Миллса (Mill's grenade)

Сторонники большевиков были везде. Далеко не все они служили в Красной армии, но все взрослые мужчины подозревались в большевизме. Опасность получить нож в спину или удар по голове присутствовала всегда. В штабе считали ситуацию столь серьезной, что вышел приказ, предписывающий всему британскому контингенту носить гранату в кармане в то время, когда с собой нет обычного оружия. Мне казалось это аналогичным ношению в кармане тигровой змеи для отражения атаки тайпана. Если большевик промахнется, разрыв гранаты сделает свое дело.

Вскоре на собственном опыте я убедился, что этот план был не столь идиотским, как могло показаться. Это случилось, когда меня прижала в углу и начала угрожать группа враждебно настроенных русских моряков. Я вытащил гранату, выдернул чеку и сказал им на скудном русском и простом английском, что если пожелаю, то «возьму с собой» некоторых из них. Сработало. По счастью, это была единственная ситуация, в которой мне пришлось прибегнуть к подобному блефу.

Материалы получены из Австралийского Военного Мемориала/Australian War Memorial

Возврат к главной странице www.warsstory.org